

Хилари
Мантел

Хилари
Мантел



Фладр



АСТ
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
М23

Серия «BookerPrize»

Hilary Mantel
FLUDD

*Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой
и М. Клеветенко*

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
AM Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

Мантел, Хилари

М23 Фладд : [роман; пер. с англ.] / Хилари Мантел. — Москва:
АСТ, 2014. — 254, [2] с. — (BookerPrize).

ISBN 978-5-17-082922-4

Сонный, странный, почти ирреальный городок 1950-х, затерянный где-то среди болот и вересковых пустошей овечьими легендами севера Англии.

Здесь начинается поразительная история двух людей — и одного... пришельца из иных, неведомых миров.

Но кто же он — тот, кто называет себя Фладдом?


Ангел, ниспосланный небесами, дабы спасти священника, утратившего веру, и молоденькую монахиню, страдающую от одиночества и непонимания среди мелких интриг провинциального монастыря?

Демон ада, пришедший, чтобы изощренно искушать и губить души?

Или таинственный игрок, наслаждающийся игрой, ставки в которой высоки, а правила понятны лишь ему одному?

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Hilary Mantel, 1989

 Школа перевода Баканова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Посвящается Анне Островской

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Церковь, описанная в книге, имеет некоторое, не слишком большое, сходство с реальной Римско-католической церковью образца пятьдесят шестого года двадцатого века. Вы не найдете на карте городка Федерхотон. Настоящий Фладд (1574–1637) был врачом, ученым и алхимиком. В алхимии все имеет буквальное, фактическое описание, а вдобавок — символическое и образное.

Вы наверняка видели огромное полотно Себастьяно дель Пьомбо «Воскрешение Лазаря», приобретенное в девятнадцатом веке лондонской Национальной галереей в составе коллекции Ангерштейна. На фоне реки, арочных мостов и ясного голубого неба группа людей — вероятно, родственники — сгрудилась вокруг восставшего из гроба. У Лазаря желтушный, трупный цвет кожи, однако он мускулист и хорошо сложен. Саван полотенцем обмотан вокруг головы, родственники заботливо склонились над ним и, кажется, совещаются. Больше всего Лазарь напоминает боксера в углу ринга. На лицах тех, кто вокруг, замешательство и легкое осуждение. Кажется, только сейчас, пытаясь выпростать правую ногу из складок савана, воскресший понимает, что все его трудности начались заново. Женщина — Мария или, возможно, Марфа — шепчет, прикрываясь ладонью. Христос одной рукой указывает на выходца с того света, другую поднял вверх, растопырив пальцы: сколько-то раундов позади, пять еще предстоит.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В среду епископ прибыл собственной персоной. Он был современный архипастырь, проворный толстяк в очках без оправы, и больше всего на свете ему нравилось раскатывать по епархии в большом черном автомобиле. О своем визите епископ предусмотрительно известил заранее (за два часа до приезда, если уж совсем точно). Тихий звонок, раздавшийся в доме приходского священника, прозвучал возвышенно и набожно. Мисс Демпси услышала его по пути на кухню. Мгновение она разглядывала аппарат, затем на цыпочках приблизилась и опасно сняла трубку, словно боялась обжечься. Склонив голову набок и отведя трубку на приличное расстояние от уха, мисс Демпси слушала голос епископского секретаря.

— Да, милорд, — ответила она, о чем впоследствии пожалела: много чести.

«Епископ и его подхалимы», — любил повторять отец Ангуин.

Держа трубку кончиками пальцев, мисс Демпси очень осторожно положила ее на рычаги, не-

сколько мгновений постояла в сумраке прихожей, кивая, словно при упоминании вслух имени Божия. Затем подошла к лестнице и проорала:

— Отец Ангуин, а отец Ангуин! Вставайте и одевайтесь, епископ обещал быть к одиннадцати.

Мисс Демпси вернулась на кухню и зажгла свет. Нельзя сказать, что это помогло: нынешним утром ничто не могло рассеять тьму, лето толстым серым одеялом прижалось к окнам. Она слушала непрерывное *кап-кап-кап* с веток и листьев и более настойчивое металлическое *бульк-бульк-бульк* из водосточной трубы. Ее тень скользила по тусклой зеленой стене, огромные руки тянулись к чайнику, словно пловец сражался с волнами в бушующем море.

Наверху священник постучал ботинком по полу, делая вид, будто уже встал. Спустя десять минут он и впрямь поднялся с кровати. Над головой у Агнессы закрипели половицы, зажурчала вода в раковине, на лестнице раздались шаги. В прихожей отец Ангуин испустил кроткий ежеутренний вздох и внезапно возник у нее за спиной.

— Агнесса, есть у нас что-нибудь от желудка?

— Как не быть, — отвечала она.

Отец Ангуин знал, где лежат таблетки, но хотел получить лекарство из ее рук, словно она была его матерью.

— Много было людей на семичасовой мессе?

— Занятно, что вы спросили, — ответил священник, словно она не задавала этот вопрос каждое

утро. — Несколько старых «Дщерей Марии»*, пара местных убогих. С чего бы им собираться? Кажется, сегодня не Вальпургиева ночь.

— Не понимаю, о чем вы, отче. Я сама принадлежу к сестринству, как вам прекрасно известно, и ни о чем таком ни разу не слышала, — надулась мисс Демпси. — Они были в пелеринах?

— Нет, в штатском, в обычных мешках.

Мисс Демпси поставила чайник на стол.

— Негоже вам смеяться над сестринством, отче.

— Интересно, не принесла ли чего сорока на хвосте? Насчет его визита? А где бекон, Агнесса?

— Еще чего. А как же ваш желудок?

Мисс Демпси налила ему чай. Журчание густой чайной струи добавилось к стуку капель за окном и вою ветра в трубах.

— И еще был Макэвой.

Отец Ангуин сгорбился над столом, грея руки о чашку. Когда он произнес имя Макэвой, тень легла на его лицо, а подбородок заострился. Впечатительной мисс Демпси на миг подумалось, что таким отец Ангуин будет в свои восемьдесят.

— А, ясно. Ему что-нибудь было нужно?

— Ничего.

— А почему вы о нем упомянули?

— Агнесса, дорогая, оставьте меня в покое. Ступайте, я должен примириться с мыслью о визите нашего всетолстейшего владыки. Знать бы, что за нелегкая его принесла.

* См. комментарии в конце книги.

Недовольная Агнесса с тряпкой в руке вышла из кухни. Когда отец Ангуин упомянул о сороке, он ведь имел в виду не ее? Только сам епископ знал о готовящемся визите. И возможно, епископские подхалимы. Но не она, мисс Демпси, а значит, она не могла рассказать, намекнуть, раскрыть глаза «Дщерям Марии» или кому-либо еще в приходе. Знай она что-нибудь, так бы и поступила. Если бы сочла нужным. Она сама выбирает, с кем поделиться. Мисс Демпси исполняла роль посредника между церковью, монастырем и остальным миром. Добывать сведения было ее истинным призванием, и она по собственному усмотрению решала, как ими распорядиться. Будь ее воля, мисс Демпси подслушивала бы даже в исповедальне, и она частенько задумывалась, как бы это устроить.

Оставшись в одиночестве, отец Ангуин принялся вертеть в руках чашку. Мисс Демпси так и не научилась пользоваться ситечком. В спитых чайных листьях не читалось ничего определенного, но внезапно отцу Ангуину показалось, будто кто-то вошел в дверь у него за спиной. Он поднял лицо, собираясь заговорить, однако никого не увидел.

— Входи, кто бы ты ни был, — произнес священник. — Выпей перестоявшего чаю.

Отец Ангуин был по-лисий поджарым, рыжим, глаза и волосы цвета палых листьев. Наклонив голову, он втянул ноздрями воздух и отпрянул от того, что унюхал. Где-то в доме хлопнула дверь.

* * *

Несколько слов об Агнессе Демпси. Сейчас она протирает тряпкой комод, на котором и так ни пылинки. За последние годы ее лицо немного слежалось, словно отрез легкой ткани в сундуке. Мучнистые складки на шее скрывает строгий вырез. У мисс Демпси круглые, широко распахнутые голубые глаза, их удивленное выражение под стать еле различимым бровям и светлым волосам с проседью, которые стоят дыбом, словно наэлектризованные. Плссированная юбка, короткие бочонки ног, однотонные кофта и джемпер, прячущие две почти незаметные выпуклости. У нее крошечный бледный рот, предназначенный для поглощения того, что мисс Демпси любит: эклсских слоев, ванильных пирожных, миниатюрных швейцарских рулетов, которые заворачивают в красную с серебром фольгу. У мисс Демпси есть привычка, аккуратно разгладив фольгу, сложить ее в полоску не толще карандаша, свернуть в колечко и надеть на безымянный палец. Она выставляет вперед руки — бескровные пальцы, слегка согнутые ранним артритом, — и любит, над левой бровью застыла сосредоточенная вертикальная морщинка. Отводит руку и упирается ладонью о колено, потом снимает колечко и швыряет в огонь. Этому ритуалу она предается в одиночестве. Справа над верхней губой у мисс Демпси маленькая плоская бородавка, бледная, как ее рот. Мисс Демпси знает, что бородавку лучше не тере-

бить, и все равно поминутно ее трогает. Она боится рака.

К тому времени как епископ влетел в гостиную, отец Ангуин успел справиться с похмельем и теперь сидел, натянув на лицо робкую улыбку.

— Ах, отец Ангуин, отец Ангуин, — промолвил епископ, пересекая комнату. Рукопожатие вышло почти искренним — епископская длань сдавила локоть хозяина, другая сжала его ладонь, однако за стеклами епископских очков отражалось недоверие, а голова раскачивалась из стороны в сторону, словно подстреленная игрушка в ярмарочном тире.

— Чаю?

— Не до чаю, — ответил епископ и встал, подбоченившись, на коврике перед камином. — Я приехал, чтобы говорить о единении всех здравомыслящих во Христе. Вижу, отец Ангуин, хлопот с вами не оберешься.

— Что, даже не присядете? — застенчиво спросил хозяин.

Слегка раскачиваясь на месте, епископ стиснул розовые ладошки и строго посмотрел на священника:

— Следующее десятилетие, отец Ангуин, станет десятилетием единения. Десятилетием мира и согласия. Десятилетием, когда христианское сообщество должно сплотиться и забыть старые распри.

В гостиную с подносом вошла Агнесса Демпси.

— Ну раз уж вы настаиваете, — сказал епископ.

Когда мисс Демпси вышла — не сразу, ее колени из-за сырости плохо гнулись, — священник спросил:

— Десятилетием, когда будет зарыт топор войны?

— Десятилетием примирения, десятилетием согласия и единомыслия.

— Ума не приложу, о чем вы толкуете, — сказал отец Ангуин.

— О духе экуменизма, — отвечал епископ, — и не говорите мне, что не ощущаете его дуновения! Что до вас не долетают молитвы миллионов христиан!

— То-то я гляжу, мне дует в шею.

— Я опережаю свое время? — спросил епископ. — Или это вы, отец Ангуин, предпочитаете закрыть глаза и уши перед ветром перемен? Налейте мне чаю, не люблю перестоявший.

Священник подал гостю чай, тот аккуратно взял горячую чашку, сделал обжигающий глоток. Затем расставил ноги, заложил свободную руку за спину и тяжело вздохнул.

— Утомился, — заметил отец Ангуин тихо, но не про себя. — Устал от меня. Чай достаточно горячий? Не перестоял? Виски долить? — Священник повысил голос. — Мне невдомек, о чем вы толкуете.

— Вы слышали о богослужениях по-английски? — спросил епископ. — Вы о них думали? Я думаю о них постоянно. В Риме есть люди, которые о них думают.

— Я этого не одобряю, — покачал головой отец Ангуин.